

Малгожата Кондратюк

Белосток

Формы имен существительных в Яблочинском евангелии XVIII века

Источником материала для данного исследования послужило на-престольное евангелие, которое до сегодняшнего дня хранится в Пра-вославном мужском монастыре в деревне Яблочно, основанном еще в XV веке¹ на реке Буг в западной части тогдашнего Великого кня-жества Литовского (сегодня: восточная часть Польши). К сожалению, даже самая тщательная монография² на тему истории возникновения этого монастыря не упоминает, каким образом это евангелие стало собственностью яблочинских монахов. Известно только, что памятник был напечатан во **Стой Кієвопечерской ЛАВРѢ, въ Єтавропигіи тогожде Єтѣйшаго ЄВНОДА, при Архімандритѣ ЗВЄІМѢ: Въ лѣто ѿ сотвореніа міра 3600 (7279), ѿ Ржтва же по Плоти Б҃҃҃а СЛОВА а҃҃҃҃҃а (1771) Індикта д, Мѣа Марта**³. По 1795 год (III раздел Польши) монастырь входил в состав киевской митрополии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что купленное или подаренное евангелие вышло из печати киево-печерских монахов. Однако надо подчеркнуть факт, что в момент, когда возник памятник (1771 год), почаевская типография уже несколько десятков

¹ Монастырь существовал уже в 1498 году. Толчком для его основания послужи-ло появление иконы святого Онуфрия; шире об истории этой обители пишет прот. С. Железнякович, *История Яблочинского монастыря*, т. I–III, Варшава 1963.

² См. прот. Ц. Железнякович, *История Яблочинского монастыря*, т. I–III, Вар-шава 1963.

³ 7279 – 1771 = 5508 из этого вытекает, что датирование проводится согласно визан-тийской (5508), а не александрийской (5500) традиции (шире: L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa 1984, с. 72–74).

лет (с 1721 года) воспринималась как униатская, но, несмотря на это, монастырь св. Онуфрия всегда оставался православным⁴.

Древнецерковнославянский язык, как и все современные славянские языки, был строем флективным, где связь между словами выражалась при помощи окончаний в зависимости от склонения или спряжения. Сравнение имен существительных из Яблочинского памятника с парадигмой склонений классического древнецерковнославянского языка проводится с целью обнаружения в них новых образований, уже неизвестных древнецерковнославянскому языку.

Исследователями древней славянской письменности уже давно был отмечен факт, что древнерусские «книжные люди» свободно обращались с текстом, раньше переписываемых, а потом печатных оригиналов, производя фонетические, лексические, словообразовательные и морфологические замены в соответствии со своими представлениями о системе родного языка. Определенная свобода обращения с каноническими текстами, опора на систему родного языка и живое произношение, дальнейшее развитие старославянского языка на восточнославянской почве не могло не сопровождаться его качественными изменениями. Но в то же время ряд старославянских форм как релевантных признаков церковной литературы продолжает сохраняться в неизменном виде на протяжении столетий.

В анализируемом материале можно найти имена существительные, принадлежащие всем пяти типам склонения, но отклонения от древнецерковнославянской парадигмы наблюдаем, прежде всего, в словах с основой на *ǫ (*jǫ) и в меньшей степени – с основой на *ŭ, *ā (*jā) и на согласный.

Исследование материала проводится в зависимости от основы, унаследованной из индоевропейского языка, так как в старославянском языке типы склонения были связаны с основой, а не с родовой дифференциацией слов.

Как видим, изменения преимущественно касаются слов с основой на *ǫ (*jǫ). В родительном падеже единственного числа на месте старославянских окончаний **-а** существительных среднего рода встречаем лексему **-а**: **цѣлованіа, павленіа, избавленіа, цѣтвіа, терніа**. Такие формы могут свидетельствовать о неразличении в это время звуков, передава-

⁴ W. Witkowski, *Drukarnia bazylikańska w Poczajowie – osiemnastowieczny ośrodek kultury na Wołyniu*, [w:] J. Rusek, W. Witkowski, A. Naumow, *Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, Kraków 1933, с. 231–236.

емых этими буквами, и показывать, что бывший носовой *е*, обозначаемый буквой *ѧ*, в языке уже не функционировал, а сама буква юс малый употреблялась лишь для передачи звука [ʼa]⁵.

Дательный падеж единственного числа имен существительных этого же типа, оформляющихся в древнецерковнославянском языке при помощи флексии *ѡѣ*, представлен в данном памятнике с окончанием *ѣ*, например: *вѣтрѣ*, *по законѣ*, *ко дрѣвѣ*, *къ ѡггѣ*, *ко оцѣ*, *грѣшникѣ*, *мѣжѣ*, *гдѣ*, *вѣѣ*. Но вряд ли можно рассматривать это в категориях морфологической дифференциации окончаний. Наличие *ѣ* на месте прежнего *ѡѣ*, также обозначающего звук [u], следует объяснить скорее как результат воздействия новой орфографической нормы – нормы церковнославянского языка, требующей писать *ѡѣ* только в начале слова, а *ѣ* в середине и конце⁶. В древнецерковнославянском языке такое правило еще не существовало, поэтому вторичное начертание (*ѣ*) имело часто лишь декоративное или практическое значение, например, если не хватало места, то вместо *ѡѣ* писали *ѣ*⁷.

Дательный падеж имен существительных с основой на **ǫ* (**jǫ*) выражается также и при помощи окончания *-ѡви* (*-ѣви*): *мѣжеви*, *гдѣви*, *дѣхови*, характерного словам с основой на **ǫ*. Такое написание, кроме того, что является результатом влияния слов с основой на **ǫ*, подтверждает также связь памятника с украинским языком, в котором эта флексия до сих пор широко используется⁸.

Творительный падеж имен существительных с основой на **ǫ* (**jǫ*) также претерпел некоторые изменения. Внимание обращает отверждение палатального согласного *м* и утрата носовых гласных, например: *гласомъ*, *съ миромъ*, *постомъ*, *сосѣдомъ*, *бѣсомъ*, *страхомъ*, *возрастомъ*; *лицемъ*, *сердцемъ*, *врачемъ*, *мытаремъ*, *съ мѣжемъ*, *со тѣшаниемъ*. В древнецерковнославянском и в древнерусском языках этот сонорный согласный оставался мягким, о чем свидетельствовал стоящий за ним *ь* (*-омь*, *-емь*; *-ѣмь*, *-ѣмь*). Депалатализация *м* началась, как полагают уче-

⁵ Ф. И. Буслаев, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1959, с. 58–59.

⁶ Ks. prot. S. Strach, *Krótką gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego*, Białystok 1994, s. 12.

⁷ Иер. Алипий (Гаманович), *Грамматика церковнославянского языка*, Москва 1991, с. 12.

⁸ Эта флексия исчезла в русском языке и в большей части белорусских говоров (Z. Stieber, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*, cz. 2, Warszawa 1971, с. 27).

ные⁹, в XIV веке и была результатом влияния соответственных разговорных форм, в которых исчезновение конечного слабого редуцированного в конце флексии могло привести к отвердению стоящего перед ним мягкого *м*. В свою очередь, окончание *ъ* после отвердевшего согласного могло здесь появиться в силу книжной старославянской традиции, требующей оканчивать слово гласным или редуцированным звуком. Отверждение *м* произошло также в творительном и предложном падежах имен прилагательных и местоимений, например: *страхомъ велимъ, добрымъ сердцемъ и блгимъ, дхомъ стымъ, предъ лицемъ гдннъ, съ нимъ, съ тѣмъ, въ твоємъ, въ своємъ, въ немъ, ѡ семъ*. Это может быть связано с тем, что они согласуются с именами существительными в роде, числе, а прежде всего в падеже.

Таким образом, окончание творительного падежа единственного числа существительных с основой на **ѡ* (**јѡ*) совпало с традиционным старославянским окончанием дательного падежа тех же слов. Но чтобы их не путать, в церковнославянском языке русского извода, для обозначения множественного числа вместо *о* (*ѡ*) вводится *ѡ* (*ѡ*), например: творительный падеж единственного числа – *гласомъ, постомъ, лицемъ*, дательный падеж множественного числа – *вѣтрѡмъ, рабѡмъ, врачѡмъ*.

В исследуемом памятнике изменениям подверглись также формы именительного и винительного падежей множественного числа имен существительных мужского рода с основой на **ѡ*. Исконный именительный падеж оканчивался на *-и*, а винительный на *-ы* (например, *роди, народи* и *вѣсы, ароматы*). Но Яблочинское евангелие зафиксировало также и в именительном падеже флексию *-ы*, например: *хлѣбы, глаголы, оценицы, челѡвѣцы, хнѣницы, неправедницы*, причем, последних четыре примера представляют собой явление чисто фонетическое. Написание *-ы* вместо *-и* в словах *хлѣбы, глаголы* надо рассматривать как результат влияния винительного падежа, которое, в свою очередь, совершилось благодаря именам существительным женского и среднего рода¹⁰. Это может также свидетельствовать о происходящей унифика-

⁹ Z. Stieber, считает, что замену *м'* на *м* после исчезновения *ь* могла ускорить предшествующая задняя гласная *о* (*Procesy pozycyjnego twardnienia spółgłosek palatalnych w historii języka rosyjskiego*, Rocznik Slawistyczny, t. XL, cz. 1, 1980, с. 3–17); сравни также С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, *Хрестоматия по истории русского языка*, ч. 1, Москва 1999, с. 122–123.

¹⁰ Так как существительные женского и среднего рода уже раньше имели тождественные формы именительного и винительного падежей множественного числа, причем существительные женского рода твердой разновидности склонения на **а*, т. е. одного из самых продуктивных, имели окончание *-ы*, тождественное оконча-

ции этих падежей (если оставить пока в стороне вопрос об оформлении категории одушевленности).

Если обратиться к формам родительного падежа множественного числа слов с основой на ***ѡ** (***јѡ**), то и здесь обнаруживаем различные окончания, наличие которых связано с влиянием флексий других существительных. В данном материале присутствуют следующие слова такого типа: **сѣрдѣцѣ**, **лѣтъѣ**, **мѣцѣ** (**мѣсѣцѣ**), **наѣмникѣ**, как и **грѣхѡвѣ**; **житѣль**, а также **їилѣвѣ**. Как показывает приведенный материал, кроме традиционного окончания родительного падежа множественного числа слов с основой на ***ѡ** -ѣ, имена существительные унаследовали флексию слов с основой на ***ѣ** -ѡвѣ. В словах с основой на ***јѡ** вместо древнецерковнославянского -ѣ (только одно слово – **житѣль**), мы наблюдаем влияние со стороны имен существительных с основой на ***ѣ**: **їилѣвѣ**. Таким образом, родительный падеж множественного числа оформляется в Яблочинском памятнике при помощи окончаний -ѣ, -ѡвѣ для существительных с основой на ***ѡ** и -ѣ и -ѣвѣ для слов с основой на ***јѡ**.

Что касается слов с основой на ***ѣ**, то и в них замечаем некоторые отклонения от традиционной парадигмы склонения в пользу окончаний слов с основой на ***ѡ**. Эти изменения касаются, прежде всего, дательного падежа единственного числа, винительного и косвенно – родительного. В Яблочинском евангелии дательный падеж представлен следующими примерами: **їѣсовѣ**, **прѣблѣжѣсѣ къ домѣ** (вм. **домовѣ**), **такѡ подобѣетѣ сѣѣ члѣвѣчѣескомѣ** (вм. **сыновѣ**). Как показывает материал, здесь кроме традиционной флексии -ѡвѣ, (-ѣвѣ) появляется -ѣ. Такое окончание у исконных ***ѣ**-основ отражает их взаимодействие с ***ѡ**-основами.

В свою очередь родительный падеж утратил свою исконную форму -ѡѣ и начал оформляться -ѣ¹¹, например: **ѡѣ домѣ**, **полѣ**. Также винительный падеж единственного числа, который в это время уже иногда согласуется с родительным (это связано с категорией одушевленности, о которой см. ниже), не имеет в конце окончания -ѣ, а использует флексию -ѣ, например: **родѣ сына**, **зачѣтъ сына**, **родѣши сына** (вм. **сынѣ**).

нию винительного падежа множественного числа мужского рода твердой разновидности склонения с основой на ***ѡ** (В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1965, с. 216); Существует также другая точка зрения, с которой Борковский не соглашается. Исследователи считают, что совпадение этих падежей является результатом того, что именительный и винительный падежи у существительных мужского рода совпадали также и в единственном числе, а это повлияло на множественное (там же, с. 216).

¹¹ Ср. иер. Алипий (Гаманович), *Грамматика...*, Москва 1991, с. 12.

Благодаря такой форме винительного падежа можем судить о изменениях, касающихся родительного (что также связано с категорией одушевленности, о которой ниже), попавшего под влияние слов с основой на **ǫ*.

Влияние основы на **ǫ* у слов с основой на **ǫ* отражает также сохранившаяся звательная форма¹² *ѿсе снѣ вѣа*, в которой исконная флексия -*ŷ* вытесняется флексией -*ε*.

Подытоживая особенности склонения имен существительных с основой на **ǫ* и на **ǫ*, можно сказать, что приведенные примеры указывают на начавшийся уже в исследуемом памятнике процесс унификации падежей и объединение этих двух различных раньше склонений в одно. Этому способствовало то, что оба типа склонений включали имена существительные мужского рода и оформлялись в именительном падеже при помощи -*ъ*. В исследуемом евангелии этот процесс имеет характер взаимовлияния, поэтому появляются в нем формы склонения на **ǫ* с окончаниями, свойственными основам на **ǫ*, и наоборот – появление форм бывшего склонения на **ǫ* с окончаниями, свойственными основам на **ǫ*.

У имен существительных с основой на **ā* (**jā*) наблюдаем небольшие изменения. В родительном падеже единственного числа на месте исконных окончаний -*ы* появляются написания -*и*, например: *влагѣи*, *оутѣхи*, что связано с чисто фонетическим явлением – переходом сочетаний *кы*, *гы*, *хы*, в *ки*, *ги*, *хи*. В том же падеже слов с основой на **jā* на месте древнего окончания -*ѣ* появляется -*и*, заимствованное, наверное, у склонения с основой на **i*: *сквозѣ пустыни*. В свою очередь, винительный падеж представлен в источнике с флексиями -*ŷ* (-*ю*) в значении [у], например: *славŷ*, *одеждŷ*, *рѣкŷ*, *молитвŷ*, *сѣбѣотŷ*, *выю*. Они заняли место исконных носовых -*ѣ* (-*ѣ*), обозначающих звук [а]. Такое написание, как мы раньше отметили, результат влияния разговорной речи, в которой в XVIII веке исконного праславянского [а] уже давно не было, а на его месте функционировал именно звук [у]¹³, передаваемый в церковнославянском языке русского извода буквами *ѣ*, *ю*. Аналогичное явление наблюдаем в творительном падеже тех же имен существительных, например: *силою*, *четверицею*.

Что касается множественного числа слов с основой на **ā* (**jā*), то и здесь можем отметить небольшие отклонения от древнецерковно-

¹² Она регулярно появляется в исследуемом памятнике, но о ней не упоминается, так как зафиксированные примеры согласны старославянской парадигме склонения.

¹³ В. В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1964, с. 122.

славянской парадигмы склонения. В именительном падеже существительных с основой на *jа вместо древнего окончания -ѣ появляется флексия -ы: *птицы*. Такое написание могло возникнуть в результате отвердения аффрикаты ц, а то, в свою очередь, согласно закону слогового сингармонизма, требовало написания после твердого ц гласной непереднего ряда. Но на этом месте, заметим, не появилась гласная а, которая соответствовала бы мягкой ѣ, а – ы, несомненно, под влиянием твердой разновидности склонения слов с той же основой (т. е. *ā)¹⁴.

Интерес вызывает также родительный падеж множественного числа, оформляющийся в исследуемом памятнике флексией -ей: *свиней*. Такое написание может быть связано с влиянием слов женского рода с основой на *i, которые в родительном падеже имели окончание -ьи (-ii). Причем сама флексия -ей характерна уже современному русскому языку (в том числе также церковнославянскому русского извода), а не старославянскому или древнерусскому¹⁵.

Как показывает приведенный материал, немногие отклонения, которые имеют место в словах с основой на *ā (*jā), носят не морфологический, а скорее фонетическо-орфографический характер. Это может быть вызвано тем, что данный тип склонения являлся одним из более продуктивных в древнецерковнославянском языке и характеризовался большой устойчивостью парадигмы.

Небольшим изменениям подверглись и имена существительные с древней основой на согласный и *ū. Их характерной чертой было то, что в падежных формах (кроме именительного падежа единственного числа) они приобретали суффиксы: -ен-, -ес-, -лт- для среднего рода, -ер- для женского и -ен- для мужского. В Яблочинском евангелии среди большого количества слов, зафиксированных согласно классической парадигме склонения, появляются небольшие отклонения от этой нормы.

Итак, в склонении имен существительных с древней основой на *s, *n и *ū в местном падеже единственного числа, на месте исконного окончания -е, появляется -и, например: *смѣтисѧ ѡ словеси е҃го, на каменѣ, бѣ*

¹⁴ Шире о сближении твердой и мягкой разновидностей склонений на *ā пишет В. В. Иванов (там же, с. 310–313) а также В. И. Борковский (В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая...*, Москва 1965, с. 201–209), П. Я. Черных (П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1952, с. 169–170).

¹⁵ Сочетания *ijъ (-й) в старославянском языке дали -ьи (-ии), а в современном русском -ей (В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая...*, Москва 1965, с. 193, 203–204).

црѣви. Похожее явление замечаем в родительном падеже множественного числа слов женского рода с основой на -р-: на месте флексии -ѣ появляется -ей, например: дѣрѣей. Среди слов с основой на согласный внимание обращают также некоторые падежные формы существительного среднего рода **день**, а именно именительный и родительный падежи множественного числа: **днѣ** (вм. **дне**) и **ѿ днѣй** (вм. **денѣ**).

Появление всех таких форм у слов с основой на согласный и ***ŭ** надо связывать с их сближением со склонением с основой на ***i**. Оно стало возможным потому, что в именительном и винительном падежах единственного числа мужского и женского рода оба склонения оформлялись при помощи одной и той же флексии -ѣ. А как полагают ученые¹⁶, все эти формы характерны уже не древнецерковнославянскому языку или древнерусскому, а церковнославянскому русской редакции.

Неотъемлемой частью древнецерковнославянского языка является двойственное число, унаследованное из праславянского языка, в котором оно, в свою очередь, было еще индоевропейским наследием. Понятие двойственности не чужое и Яблочинскому памятнику. Оно сохраняется при названии парных предметов, например: **родитѣла, братѣла, показа имѣ рѣцѣ и нозѣ, падѣ при ногѣ їисовѣ, како бысть глаголющѣ твою во оушю моею, видѣстѣ очи**, а прежде всего в сочетании имен существительных с числительным **два**, например: **два горлчица, два птенца, два сына** (-а на месте -ы под влиянием ***ŏ**-основы), **мужа два, человека два**. Но Яблочинское евангелие отражает также утрату двойственного числа, которая является *результатом развития человеческого мышления от представления о конкретной множественности к абстрактной*¹⁷. Она находит выражение в замене форм двойственного числа формами множественного: **дадите сапоги на нозѣ; имѣай оушы**¹⁸ **слышати, да слышитѣ**. Очевидно, такая замена возникла там, где существительное, которое должно было быть употреблено в двойственном числе, не имело при себе числительного **два**. Сохранению формы двойственного числа не помог даже факт, что слова представляли собой названия парных предметов. Употребление формы множественного числа вызвано, прежде всего, контекстом, т.е. обращением Христа к целой толпе, а не к определенному лицу.

¹⁶ Иер. Алипий (Гаманович), *Грамматика...*, Москва 1991, с. 51–55; ks. prot. S. Strach, *Krótką gramatyka...*, Białystok 1994, s. 31–33.

¹⁷ В. В. Иванов, *Историческая...*, Москва 1964, с. 318.

¹⁸ Винительный падеж двойственного числа этого существительного имел бы форму **оуши**; форма **оушы** – это множественное число (ср. иер. Алипий (Гаманович), *Грамматика...*, Москва 1991, с. 45–46).

На этом месте следует также обратить внимание на сочетание существительных с числительными. В древнецерковнославянском языке при числительном **два** существительное ставилось в именительном падеже двойственного числа (см. выше), а при **три**, **четыри** – в именительном множественного числа. Начиная с **пяти**, существительные сочетались с числительными в форме родительного падежа множественного числа. В таких же формах выступают они и в исследуемом памятнике, например: **три мѣи, мѣъ пѣтъ, сѣдмь лѣтъ**. Наблюдаемые отклонения от нормы старославянского языка имеют только фонетический характер, а точнее, употребление **ы** после **ц** указывает лишь на отвердение аффрикаты **ц**.

Что касается категории одушевленности, то можно сказать, что она представлена в Яблочинском евангелии на начальном этапе своего развития, т. е. охватывает не все одушевленные существительные, а лишь названия лиц (людей), и то не всегда. О ее развитии свидетельствуют формы винительного падежа, равные формам родительного в следующих словах:

лица Святой Троицы – **видѣти ѿса, оузрѣвъ же ѿса, величитъ дѣла моа гда, бѣгослова бѣа, не движи оучѣла** (в значении Иисуса Христа),

человек – **верѣтоша человекѣа, спасти погибшаго,**

сын – **зачнеша и родиши сѣа,**

животные – **далъ еси козлатѣ** (ср. р.),

Несовпадение форм винительного падежа с формами родительного свидетельствует об отсутствии у следующих слов категории одушевленности, например:

бесы – **имаше бѣсы,**

дети – **верѣзати отроча, введоста отроча** (ср. р. ед. ч.),

животные – **телець** (м. р.) **оупитѣнный заколитѣ,**

дух, но не лицо Святой Троицы – **мнѣхъ дѣхъ видаше,**

зависимые лица – **сотвори мѣа яко единого ѿ наемникѣ.**

Из приведенного материала вытекает, что категория одушевленности касается, прежде всего, слов мужского рода единственного числа с основой на ***ѡ**. Это может быть вызвано тем, что это склонение включало в себя большое количество существительных, для которых важно было разграничение подлежащего и прямого дополнения, т. е. субъекта и объекта, который подвергался действию. Но в исследуемом памятнике не все существительные мужского рода ***ѡ**-основы воспринимаются как одушевленные. Эту категорию в Яблочинском евангелии получили слова мужского рода, обозначающие социально «полноправных» людей. Старая же форма винительного падежа сохранилась у слов муж-

ского и среднего рода, обозначающих зависимых людей, куда также относились животные и дети (хотя эти слова часто обозначали Иисуса Христа). Особый случай представляют собой слова **козлаѣ** и **тѣлесе**, существительные среднего рода с основой на согласный: **не шврѣтоша тѣлесе гда їиса, далъ еси козлаѣ**. Их винительный падеж единственного числа тождествен родительному, а это свидетельствует о наличии категории одушевленности. В первом случае этому могло способствовать стоящее дальше название второго лица Святой Троицы. Второй пример может указывать на колебания в употреблении этой категории, так как она еще не сформировалась по отношению к животным.

Как показывает приведенный материал, слово **дѣхъ**, в зависимости от значения, может характеризоваться наличием или отсутствием категории одушевленности: если же обозначает третье лицо Святой Троицы, форма винительного падежа совпадает с формой родительного, а если это существительное относится к другому бесплотному существу, тогда винительный падеж совпадает с именительным (**мнѣхъ дѣхъ видѣше**).

Подытоживая, можно сказать, что различные древние процессы как фонетического, так и морфологического характера привели к тому, что в Яблочинском евангелии старые типы склонения имен существительных не могли сохраниться без изменения. Они начали объединяться. Но исследуемый памятник представляет начальный этап этой унификации, то есть имеет она характер взаимодействия, взаимовлияния. Поэтому все типы склонения сохраняются, не исчезают, и наряду с древними формами, которые упорно держатся, встречаем другие, совсем новые, возникшие в результате фонетических или орфографических изменений, или же формы, характерные для совсем других типов склонения.

S U M M A R Y

The article presents the analysis of noun forms which are used in Jabłeczynska Bible. The researched material permits to ascertain that in 18th century despite noun forms were closely connected with old orthodox canon they have started unifying. This unification presents first phase, i.e. co-operation and influence between particular types of declension. The Jabłeczynska Bible indicates that this was a result not only morphological but also phonetic and graphic phenomena.